

Энн Маккефри

САГА О КОРАБЛЯХ

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
М 15

Anne McCaffrey
THE SHIP WHO SANG
Copyright © Anne McCaffrey, 1969
HONEYMOON
Copyright © Anne McCaffrey, 1977
THE SHIP THAT RETURNED
Copyright © Anne McCaffrey, 1999
PARTNERSHIP
Copyright © Anne McCaffrey, Margaret Ball, 1992
THE SHIP WHO SEARCHED
Copyright © Anne McCaffrey, Mercedes Lackey, 1992
All rights reserved

Перевод с английского
Ирины Андронати, Владимира Ковалевского, Нины Штуцер,
Татьяны Науменко, Анны Хромовой, Леонида Шестакова

Оформление обложки Егора Саламашенко

Иллюстрация на обложке Сергея Шикина

ISBN 978-5-389-29834-7

© А. С. Хромова, перевод, 2007
© И. С. Андронати, перевод, 2026
© Л. С. Шестаков, перевод, 2007
© В. П. Ковалевский (наследник),
Н. П. Штуцер (наследники), перевод, 2001
© Т. В. Науменко (наследник), перевод, 1993
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ГЛАВА 1

Корабль, который пел

Рождение едва не обрело ее на смерть: она появилась на свет физически неполноценной. Последний шанс — контрольная энцефалограмма, тест, которому подвергались все новорожденные. Ведь всегда оставалась надежда, что в жалком тельце таится полноценный разум, что, несмотря на недоразвитые органы чувств, мозг обладает цепкостью и восприимчивостью.

Энцефалограмма оказалась неожиданно благоприятной, и эту новость поспешили сообщить ожидающим в печали родителям. Теперь от них зависело последнее, решающее слово — подвергнуть младенца умерщвлению или предоставить ему возможность стать заключенным в капсулу «мозгом», ведущим элементом сложнейшей системы управления — из тех, которые применялись в совершенно особых сферах деятельности. В этом качестве их отпрыску предстояло на протяжении нескольких веков вести безболезненное и даже вполне комфортное существование в металлической оболочке, неся свою необычную службу на благо Федерации Центральных миров.

Она осталась жить и получила имя Хельва. Три первых молочных месяца малютка размахивала скрюченными ручонками и слабо сучила обрубками ножек, как и все младенцы, наслаждаясь жизнью. Она была не одинока — в специальных яслях большого города подрастало еще три таких же ребенка.

Прошло некоторое время, и всех их перевели в Центральный Институт Экспериментальной Медицины, где для них началась череда постепенных тонких превращений.

Один младенец погиб в процессе первой же пересадки, но семнадцать малышей из группы Хельвы продолжали расти и развиваться в своих металлических капсулах. Теперь Хельва уже не

сучила ножками — ее нервные импульсы вращали колеса — и не размахивала кулачками, а приводила в движение механические манипуляторы. По мере того, как девочка росла, все больше нервных синапсов включалось в управление механизмами, осуществляющими разнообразные функции пилотирования и эксплуатации космического корабля, ибо Хельве было суждено стать его неподвижной, «мозговой» половиной; роль же подвижной половины, или «мускулу», отводилась ее напарнику — мужчине или женщине, которого ей предстоит избрать самой, когда придет срок. Хельве повезло: она попала в высшую элиту себе подобных. Ее интеллектуальные тесты с самого начала давали результаты, превышающие средний уровень, а коэффициент адаптации был чрезвычайно высок. Поскольку ее развитие в капсуле протекало как нельзя лучше и операция на гипофизе не дала нежелательных осложнений, Хельву ожидала захватывающая, богатая событиями, неординарная жизнь, которая, как небо от земли, отличалась от той участи, что была бы ей уготована, уродись она обычным, «нормальным» человеком.

Однако ни диаграмма активности мозга, ни ранние показатели коэффициента умственного развития не обнаружили некоторых скрытых особенностей характера Хельвы. О них Центральным мирам еще предстояло узнать, раньше или позже, пока же оставалось одно — выжидать, уповая на то, что массированные дозы психологии капсульников пошли им на пользу, сформировав надежную защиту, способную выдержать как бремя пожизненного заключения в оболочке, так и тяготы необычной профессии. Ведь нельзя допустить, чтобы корабль, управляемый человеческим мозгом, ударился в бега или потерял рассудок: слишком огромны были материальные и энергетические ресурсы, вложенные в него мирами.

Разумеется, мыслящие корабли давно миновали стадию экспериментального освоения. Большинство младенцев благополучно переносили доведенную до высочайшего совершенства операцию на гипофизе, вследствие которой их тела прекращали расти, что исключало необходимость последовательных пересадок из меньших капсул в большие. И лишь ничтожный процент погибал в процессе окончательного присоединения к пультам управ-

ления космическим кораблем или сложнейшим промышленным агрегатом. Ростом капсульник, сохранявший все свои врожденные уродства, был не выше взрослого карлика, однако самое безупречное тело во Вселенной не могло бы соперничать в совершенстве с его мозгом — продуктом планомерного и целенаправленного развития.

Итак, несколько безмятежных лет Хельва разъезжала в своей скорлупе вместе с одноклассниками, играла с ними в особые игры («Срыв потока», «Утечка энергии»), изучала космические маршруты, ракетные двигатели, вычислительную технику, логистику, психогигиену, основы инопланетной психологии, филологию, историю космонавтики, право, организацию межпланетных сообщений, коды — словом, все те премудрости, которые полагалось усвоить разумному, логично мыслящему, эрудированному гражданину Федерации. Незаметно для себя и к радости своих учителей, Хельва усваивала знания так же легко и непринужденно, как питательную жидкость. Когда-нибудь она с благодарностью вспомнит терпеливые, монотонные наставления, которые на подсознательном уровне впечатывали в ее память необходимые сведения.

Цивилизация, к которой принадлежала Хельва, не обходилась без хлопотливых благотворительных организаций, целью которых была защита обитателей Земли и других планет от бесчеловечного обращения. Одна из таких групп — Общество защиты интересов разумных меньшинств — как-то подняла шумиху вокруг детей-капсульников. Хельве в ту пору только-только миновал четырнадцатый год. Под давлением общественности Центральные миры были вынуждены организовать для ОЗИРМ экскурсию по Институту Экспериментальной Медицины. Начали ее весьма эффектно — с демонстрации историй болезни, дополненных фотоматериалами. Очень немногие из проверяющих пошли дальше первых снимков. Большинство их первоначальных возражений по поводу несчастных пленников было сметено волной облегчения: какое счастье, что эти отвратительные тела милосердно убрали с глаз долой!

В тот день в классе Хельвы шел урок изобразительного искусства — факультативный предмет в перегруженной учебной программе. Девочка работала с набором микроскопических инструментов. Позже ей предстояло использовать их для мелкого

ремонта деталей пульта управления. Задача перед ней стояла сложнейшая: выполнить копию «Тайной вечери». Полотно было совсем крохотным — головка малюсенького болта. Хельва настроила зрение на нужную кратность увеличения и принялась за дело. Во время работы она рассеянно мурлыкала — получался странный, но вполне мелодичный звук. Капсульники пользовались собственными голосовыми связками и диафрагмой, только звук выходил через микрофоны, а не через рот. Поэтому в голосе Хельвы, бездумно выводившем бесконечные рулады, несмотря на теплый, нежный тембр, ощущалось что-то механическое.

— Какой у тебя милый голосок, — заметила одна из дам.

Хельва, очнувшись, подняла взгляд и... перед ней предстала ошеломляющая картина: шелушащаяся розовая равнина, усеянная круглыми грязными кратерами. Ее мурлыканье перешло в возглас изумления, но она тут же спохватилась и отрегулировала зрение. Поры сразу уменьшились до обычного размера и перестали походить на кратеры.

— Видите ли, мадам, — невозмутимо ответила девочка, — наша голосовая подготовка длится несколько лет. Некоторое несовершенство голоса может стать сущим наказанием для партнера во время длительного космического полета, поэтому недостатки необходимо заранее устранить. Эти уроки мне очень многое дали.

Хельва впервые увидела обычных людей, без капсул, и, к чести своей, перенесла испытание совершенно спокойно. Среагируй она как-то иначе, и это немедленно стало бы известно наверху.

— Я хотела сказать, милочка, что у тебя настоящий певческий голос, — пояснила дама.

— Благодарю за любезность. Не хотите ли взглянуть на мою работу? — вежливо осведомилась Хельва.

Она инстинктивно сторонилась бесед на личные темы, но слова гостьи запомнила и решила обдумать их на досуге.

— Работу? Какую работу? — не поняла дама.

— Я выполняю копию «Тайной вечери» на головке болта.

— О, неужели? — прощепетала гостья.

Хельва снова настроила зрение на увеличение и окинула копию критическим взором.

— Конечно, некоторые цветовые тона несколько отличаются от тех, которые использовали старые мастера, да и перспектива слегка подкачала, но, по-моему, в целом копия мне удалась.

Глаза гости, неспособные разглядеть столь мелкий объект, недоуменно вытаращились.

— Ой, я совсем упустила из вида, — сказала Хельва виновато. Она бы, наверное, покраснела, если бы могла. — Ведь вы не можете перестроить зрение.

Руководитель экскурсии так и расплылся в одобрительной улыбке: в голосе девочки явственно звучала жалость к обделенным судьбой.

— Вот, возьмите, это вам поможет, — великодушно предложила Хельва и, ухватив манипулятором увеличительное устройство, поднесла его к своему творению.

Потрясенные визитеры склонились над ним, разглядывая скопированную до мельчайших деталей «Тайную вечерю», искусно запечатленную на головке болта.

— Остается сказать, — заметил пожилой господин, которого жена притащила с собой, — что всеблагий Господь может вкушать пищу там, куда не осмеливаются ступить ангелы.

— Вы о тех дебатах, сэр, которые велись в Средние века? О том, сколько ангелов может уместиться на булавочной головке? — учтиво поинтересовалась Хельва.

— Да, я имел в виду их.

— Если заменить ангелов на атомы, то проблема не так уж неразрешима, если, конечно, знать количество металла в упомянутой булавке.

— И ваша программа позволяет решить эту задачу?

— Разумеется.

— А скажите, юная леди, в вашу программу не забыли ввести чувство юмора?

— Нет, сэр, нас учат развивать чувство пропорции, а это дает тот же эффект.

Добряк понимающе хохотнул, а про себя решил, что потратил время не зря.

И если комиссии наблюдателей потребовались месяцы на то, чтобы переварить концентрированную умственную пищу, которой их угостили в институте, то и Хельве от их визита кое-что перепало.

Термин «пение» в приложении к ней самой — с этим стоило разобраться. В свое время она, конечно, прошла курс музыкальной

грамоты, включавший знакомство с наиболее известными классическими произведениями, такими как «Тристан и Изольда», «Кандид», «Оклахома», «Свадьба Фигаро», и, конечно, с творчеством певцов атомного века: Биргит Нильсон, Боба Дилана, Джеральдины Тодд, а также с любопытными ритмическими построениями венериан, с видеохроматическими картинками уроженцев Капеллы, акустическими изысками альтаирцев и напевами ретикулийцев. Однако сам процесс пения для любого капсульника технически сложен. Но не зря же их с детства приучали: сначала исследуй проблему или ситуацию со всех сторон и только потом делай вывод. Настрой на победу, должным образом уравновешенный между двумя полюсами — оптимизмом и практичностью, — позволял им выкручиваться самим и выводить свой корабль и экипаж из самых запутанных ситуаций.

Поэтому Хельву нимало не смутил тот факт, что она не может открывать рот, чтобы петь. Ничего, она изобретет какой-нибудь способ, который даст ей возможность компенсировать недостатки в этой области.

Для начала она изучила методы звукоизвлечения, существовавшие на протяжении веков, — как вокальное, так и инструментальное искусство. Ее собственный аппарат, служивший для извлечения звука, был скорее инструментальным, нежели вокальным. Выяснилось: чтобы добиться правильного дыхания и четкой артикуляции звуков в ротовой полости, придется серьезно потрудиться. Ведь капсульники, строго говоря, не дышат. Они не увлекают кислород и другие газы из атмосферного воздуха, поскольку нужная газовая смесь содержится в питательном растворе, подаваемом прямо в оболочку. Поэкспериментировав, Хельва пришла к выводу, что может создавать нужный тон, манипулируя диафрагмальной системой. А расслабляя мышцы гортани, расширяя ротовую полость и задействовав лобные пазухи, можно извлекать гласные звуки так, чтобы они с максимальным эффектом воспроизводились через горловой микрофон. Она сравнила полученные результаты с записями современных певцов и осталась довольна, хотя записи ее голоса отличались какой-то присущей лишь ей одной неуловимой особенностью. И дело было не в каких-то технических погрешностях — просто ее голос был совершенно уникален. Для Хельвы, которая в совершенстве освоила

поиск информации, не составило никакого труда ознакомиться с музыкальным репертуаром, хранившимся в библиотеке института. И скоро она убедилась, что может исполнить любую партию, любую песню, которая придет на ум. Ей не приходило в голову, что кому-то это может показаться странным: девочка — и поет на все голоса, от баса до колоратурного сопрано. Для Хельвы все дело заключалось в правильном звукоизвлечении и регуляции диафрагмальных сокращений, задаваемых конкретным произведением.

Если наверху и заметили ее необычное увлечение, то виду не подали. Начальство только приветствовало, когда у капсульников появлялись хобби, лишь бы они не мешали их профессиональной деятельности.

Отпраздновав свое шестнадцатилетие, Хельва успешно окончила курс обучения и была инсталлирована на своем корабле — ХН-834. Ее постоянная титановая оболочка, окруженная внешним, еще более неуязвимым барьером, скрылась в центральном пилоне корабля. Все нервные, зрительные, слуховые, сенсорные контакты были смонтированы и опечатаны. Манипуляторы снабжены новыми удлинителями, соединениями, усилителями. И наконец, непостижимо тонкие мозговые выводы присоединены к цепям управления. Все эти процедуры Хельва перенесла под полной анестезией, а очнувшись от забытья она уже кораблем. Ее мозг и разум управляли всеми функциями — от навигации до определения нагрузки, соответствующей разведывательному кораблю ее класса. Она могла нести полную ответственность за себя и своего подвижного партнера, «мускула», не только в любой из ситуаций, уже зарегистрированных в анналах Центральных миров, но и в любой из ситуаций, которые их самые изощренные умы сумели изобрести.

Ее первый же настоящий полет — ибо она и ей подобные начиная с восьми лет совершали учебные полеты на тренажерах — продемонстрировал, что она в совершенстве владеет всеми тайнами своего ремесла. Она была готова к захватывающим приключениям и с нетерпением ожидала появления подвижного напарника.

В тот день, когда Хельва доложила, что готова приступить к выполнению своих обязанностей, на базе томились от безделья

девять дипломированных пилотов-скаутов. Несколько рейсов требовали первоочередного внимания, но на Хельву уже давно положили глаз руководители многих служб Центральных миров, и каждый был полон решимости заполучить ее в свою епархию. Все были так заняты своими делами, что никто не удосужился представить Хельву будущим соискателям. Ведь корабль всегда сам выбирал себе напарника. Будь в это время на базе другой «мозг», он подсказал бы Хельве, что ей следует самой сделать первый шаг. Но вышло так, что, пока миры выясняли отношения между собой, Роберт Тэннер выскользнул из казармы пилотов и, миновав летное поле, подобрался к стройному серебристому корпусу Хельвы.

— Привет! Есть кто дома? — спросил он.

— Конечно есть, — ответила Хельва, включая наружные видеодатчики. — Ты мой напарник? — с надеждой спросила она, увидев на незнакомце форму Службы.

— Все будет зависеть от тебя, — томно отозвался он.

— Никто не идет. Я уже подумала, что здесь нет ни одного свободного партнера, и от миров никаких инструкций не поступает...

Хельва и сама почувствовала, что ее слова прозвучали довольно жалобно, но ей действительно было очень грустно одной на погруженном в темноту поле. Ведь она привыкла к обществу других капсульников, а в последнее время вокруг нее постоянно суетились безликие толпы инженеров и техников. Затянувшееся одиночество быстро утратило свое очарование и стало действовать ей на нервы.

— Стоит ли печалиться, что миры не торопятся с инструкциями? Зато, моя красавица, еще восемь молодцов, кроме меня, так и сгорают от нетерпения, ожидая, чтобы ты пригласила их на борт!

Эти слова Тэннер произнес, уже стоя в центральной рубке. Чуткие пальцы пилота пробежали по пультам управления, погладили пилотское кресло. Он заглянул в каюты, в камбуз, в герметичные грузовые отсеки.

— А знаешь, если хочешь напомнить мирам о себе, а заодно и оказать услугу всем нам, вызови казарму, и давай устроим горячую вечеринку с выбором партнера! Как тебе моя идея?

Хельва хихикнула про себя. Как он отличается от институторского персонала или редких посетителей, с которыми ей дово-

дилось встречаться. Какой он веселый, уверенный, до чего отличная мысль — устроить вечеринку на борту! По ее мнению, это никак не противоречило установленным правилам.

— Ценком, это Икс-Эйч-восемь-три-четыре. Соедините меня с казармой пилотов.

— Связь визуальная?

— Да, пожалуйста.

На экране возникла картина: восемь томящихся людей в позах, выражающих крайнюю степень скуки.

— Говорит Икс-Эйч-восемь-три-четыре. Не соблаговолят ли свободные пилоты подняться ко мне на борт?

Восемь фигур заметались по комнате, хватая одежду, сбрасывая наушники, выпутываясь из простынь и одеял. Хельва дала отбой, а Тэннер, довольно посмеиваясь, уселся в кресло дожидаться прибытия товарищей.

Хельву же охватило доселе неведомое ей чувство тревожного ожидания. Наверное, ни одна дебютантка не испытывала такого панического ужаса, волнения и неуверенности. Но в отличие от начинающей актрисы, она не могла закатить истерику, разбить фарфоровую безделушку или разбросать косметику, чтобы хоть как-то ослабить гнетущую тревогу. Зато она могла проверить ассортимент напитков и закусок, чем и занялась, заодно угостив Тэннера из своих нетронутых продовольственных запасов.

На пилотском жаргоне пилотов называли «мускулами» — в противоположность «мозгам», которыми, собственно, были их корабли. Они проходили такую же насыщенную программу подготовки, как и «мозги», и только один процент с каждой планеты, входящей в Федерацию, допускался к занятиям по особой учебной программе Центральных миров, рассчитанной на пилотов-скаутов. Так что не было ничего удивительного в том, что все восемь молодых людей, которые поднялись в гостеприимно открытый шлюз Хельвы, были на редкость хороши собой, умны, обладали прекрасной координацией и выдержкой. Все они с надеждой ожидали веселой пирушки, если, конечно, Хельва не будет возражать, и каждый был готов подложить свинью остальным, лишь бы снискать ее расположение.

От появления стольких мужчин сразу у Хельвы даже дух захватило, и, решив, что может на секундочку позволить себе такую

необычную роскошь, она целиком отдалась новому для себя чувству.

Потом придирчиво разобрала соискателей по косточкам. Проньера Тэннер забавлял ее, но не привлекал; белокурый Нордсен показался простоватым; в смуглом аль-Атпае она почувствовала скрытое упрямство, которое ей было явно не по нутру, в сумрачном Мир-Анине уловила намеки на некий внутренний разлад, справиться с которым у нее не было никакого желания, хотя он как никто другой старался произвести на нее впечатление. Да, странное это было сватовство — первое в череде ее будущих браков: ведь для «мускула» срок службы составлял семьдесят пять лет или того меньше, уж как судьба распорядится. «Мозг» же, защищенный от всех внешних воздействий, был не подвержен разрушению. Теоретически, как только капсульник выплачивал солидный долг, слагавшийся из затрат на образование, хирургическую адаптацию и эксплуатационное обслуживание, он имел право сам выбирать себе будущее. На практике же капсульники оставались на службе, пока не избирали добровольное саморазрушение или не погибали, исполняя свой долг.

Хельве довелось общаться с одним капсульником, которому исполнилось триста двадцать два года. Эта встреча наполнила ее таким благоговением, что она так и не посмела задать кое-какие личные вопросы. Хотя и собиралась.

Она никак не могла решиться сделать выбор, пока Тэннер не затянул популярные в пилотской среде куплеты о передрыгах, выпадавших на долю дерзкого, самоуверенного и на редкость бестолкового Билли-«мускула». Попытка исполнить их хором привела к полной какофонии, и Тэннер бешено замахал руками, требуя тишины.

— Нам просто позарез необходим отличный первый тенор. Ну-ка, Дженнан, открой свои козыри. Какой у тебя голос?

— Прескверный, — с непринужденным юмором откликнулся Дженнан.

— Если без тенора никак не обойтись, я могу попробовать, — отважилась Хельва.

— Но, милочка... — изумился Тэннер.

— Ну-ка, спой ля, — засмеялся Дженнан.

В ошеломленной тишине, воцарившейся после того, как отзвучало чистое, глубокое, сочное ля, Дженнан тихо заметил:

— Карузо отдал бы все остальные ноты, лишь бы взять одну такую.

Пришлось продемонстрировать им весь диапазон.

— Тэннеру был нужен всего-навсего отличный первый тенор, — рассмеялся Дженнан, — а наша милая хозяйка может одна заменить целую оперную труппу. Парень, который получит этот корабль, отправится прямиком на седьмое небо.

— К туманности Конская Голова? — спросил Нордсен, цитируя бытовавшую в мирах старую поговорку.

— К туманности Конская Голова и обратно, да еще и с музыкой, — кокетливо парировала Хельва.

— С тобой я готов, — отозвался Дженнан, — только с моим голосом лучше слушать, а петь я предоставляю тебе.

— А я-то надеялась, что слушать придется мне, — заметила Хельва.

Дженнан изобразил изысканный поклон и даже изящно взмахнул своей изрядно потрепанной фуражкой. Причем поклон его был направлен точно в адрес центрального пилона, где находилась сама Хельва. И именно в этот миг она сделала свой выбор, причем отнюдь не случайно: Дженнан, единственный из всех, обращался прямо к ней как к человеку, несмотря на то что, без сомнения, знал: она может видеть его в любой точке корабля, и не важно, что тело ее скрыто за толстой металлической панелью. На протяжении всего их будущего союза Дженнан, где бы он ни находился, ни разу не забудет при разговоре повернуть голову в ее сторону. В ответ Хельва начиная с этого мгновения всегда будет обращаться к нему только через центральный динамик, пусть даже это не всегда уместно.

В тот вечер Хельва еще не поняла, что влюбилась в Дженнана. Да и как ей было узнать тот взволнованный трепет, который рождала в ней его душевная теплота, его спокойная раздумчивость, — ведь до сих пор она не знала ни любви, ни нежности — только их более суровых собратьев, уважение и восхищение... Как и все капсульники, она считала, что неуязвима для чувства, так тесно связанного с физическим влечением.

— Ну что ж, Хельва, было чертовски приятно познакомиться, — вдруг произнес Тэннер, когда Хельва и Дженнан обсуждали барочное звучание хора «Придите все, сыны творенья». — А ты,

Дженнан, везунчик! Как-нибудь встретимся в космосе. Спасибо за вечеринку, Хельва.

— Как, тебе уже пора? — спросила Хельва, запоздало заметив, что они с Дженнаном уже довольно давно беседуют вдвоем.

— Победил сильнейший, — с натянутой улыбкой ответил Тэннер. — А я, пожалуй, пойду поищу записи любовных серенад. Может, пригодятся в общении со следующим кораблем, если появится еще один вроде тебя.

Хельва с Дженнаном в легком замешательстве проводили его взглядами.

— Может быть, Тэннер слишком спешит с выводами? — спросил Дженнан.

Хельва разглядывала его: вот он стоит, прислонившись к консоли, лицом к ее капсуле: руки скрещены на груди, стакан, который он задумчиво вертит в пальцах, давно опустел. Спору нет, красив. Но они все хороши собой. Да и не это главное... Его внимательные глаза смотрят прямо и открыто, губы легко складываются в улыбку, но особенно очаровал Хельву голос Дженнана — звучный, глубокий, приятного тембра и безо всякого акцента.

— Не торопись, Хельва, утро вечера мудренее. А если не передумаешь, позови меня утром.

Она позвала его к завтраку, предварительно проверив свой выбор в банке данных Центральных миров. Дженнан перенес пожитки на борт, получил полетные инструкции для «мозга» и «мускула», ввел личное и служебное досье в ее память и задал ей координаты первого пункта назначения. После чего корабль ХН-834 стал официально именоваться JH-834.

Их первый рейс оказался скучным, но необходимым заданием, к тому же чрезвычайно срочным. В борьбе за Хельву верх одержали медики, и теперь JH-834 предстояло забросить вакцину в отдаленную планетную систему, пораженную опасной споровой инфекцией. Перед ними стояла задача как можно скорее добраться до Спики в созвездии Девы.

После головокружительного стартового броска на максимальной скорости Хельва убедилась: в этом нудном полете ни ей, ни напарнику не придется особенно напрягаться. Зато у них оставалась масса времени для того, чтобы как следует узнать друг друга. Дженнану, разумеется, было известно, на что способна Хельва как корабль и партнер, да и она тоже знала, чего от него следует

ожидать. Но все это были только сухие факты, а Хельва всей душой стремилась изведать ту человеческую сторону своего напарника, которую невозможно свести к набору символов. Ведь это все равно что пытаться понять взаимоотношения двух людей, прочитав о них в книге. Нет, такое нужно прочувствовать самой...

— Мой отец тоже был спасателем — или это есть в твоей памяти? — сказал Дженнан на исходе третьего дня.

— Конечно есть.

— А знаешь, так нечестно. Ты о моей семье знаешь все, а я о твоей — ни шиша.

— Как и я сама, — отозвалась Хельва. — Пока я не прочла твою семейную хронику, мне как-то даже в голову не приходило, что где-то в банке данных Центральных миров содержатся сведения и о моих родителях.

— Ох уж эта психология капсульников! — фыркнул Дженнан.

— А ты думал! — рассмеялась Хельва. — Я даже запрограммирована от ненужного любопытства по этому поводу. Чего и тебе желаю.

Дженнан заказал себе напиток, уселся в противоперегрузочное кресло прямо перед ней и, поставив ступни на подножки, стал лениво вертеться на шарнирах из стороны в сторону.

— Хельва — это придуманное имя.

— Со скандинавским оттенком.

— Но ты не блондинка, — уверенно сказал Дженнан.

— Значит, бывают темные шведки.

— И белокрысые турки. Правда, султан из меня неважный — ведь в моем гареме только ты одна.

— К тому же твоя единственная женщина обречена на вечное затворничество. Однако ты всегда можешь поискать утешения на стороне...

Хельва ошеломленно отметила, что ее прекрасно поставленный голос предательски дрогнул.

— Ты знаешь, — перебил ее Дженнан, витавший где-то далеко в своих мыслях, — у меня создалось впечатление, что отец мой был женат в первую очередь на Сильвии, своем корабле, а уж потом на матери. Постепенно я привык считать Сильвию своей бабушкой. Вообще-то, она скорее прапрабабушка — у нее номер начинался с четверки. Раньше мы с ней, бывало, болтали часами.

— А какой у нее номер? — спросила Хельва, неосознанно за-
виная всем до единого, кому доводилось знать Дженнана прежде.

— Четыреста двадцать два. По-моему, сейчас ее инициалы TS.
Я как-то повстречал Тома Берджеса.

Отец Дженнана умер от космической инфекции — у него не
осталось вакцины, вся ушла на спасение обитателей далекой пла-
неты.

— Том сказал, что она стала сурова и резка на язык. «Только
попробуй утратить свое очарование, милочка! Я обращусь в при-
зрак и стану тебя преследовать», — пригрозил он.

Хельва засмеялась.

И тут он ее испугал: подошел к центральному пилону, легко
и нежно провел пальцами по смотровой панели.

— Хотел бы я знать, какая ты... — тихо и чуть печально про-
говорил он.

Хельву предупреждали, что для пилотов вполне естественно
такое проявление любопытства. Она не знала о себе ничего, и ни-
кто из них тоже не сможет узнать.

— Выбирай любую внешность на выбор — и я твоя! — ответи-
ла она, как ее учили.

— Тогда, железная дева, я предпочитаю блондинок с длинны-
ми локонами.

Дженнан изобразил кудри в стиле леди Годивы.

— И поскольку, моя радость, ты закована в титановую броню,
я буду звать тебя Брунгильдой, — он церемонно поклонился.

Хельва прыснула и запела арию Брунгильды. Как раз в это
время Спика вышла на связь.

— Что это, черт возьми, за вопли? Вы кто такие? Валите отсю-
да, если только вы не медицинская служба Центральных миров.
У нас эпидемия. Всем даем от ворот поворот.

— Это мой корабль поет. Мы Джей-Эйч-восем-три-четыре,
Центральные миры, доставили вам вакцину. Дайте координаты
для посадки.

— Твой корабль... поет?

— Да, и у него самый большой диапазон во всем обитаемом
космосе. Есть еще вопросы?

JH-834 сдал груз вакцины, на этот раз обойдясь без арий, и по-
лучил приказ немедленно отправляться к Левиту-4. Добрались

они быстро, но слухи оказались еще быстрее, и Дженнану пришлось защищать девичью честь Хельвы.

— Я больше не буду петь, — сокрушенно бормотала Хельва, готовя примочки для третьего за неделю фонаря под глазом.

— Еще как будешь, — стиснув зубы, пробурчал Дженнан. — Даже если мне придется ставить фингалы отсюда и до самой Конской Головы, чтобы заставить шутников заткнуться, мы все равно останемся кораблем, который поет.

После того как Корабль, Который Поет столкнулся в районе Малого Магелланова Облака с небольшой, но жестокой шайкой торговцев наркотиками — и одержал верх, этот титул стал произноситься с нескрываемым уважением. Мирам были известны все их подвиги, и в досье JH-834 появилась пометка «обратить особое внимание». Первоклассная команда отлично притиралась.

Вырвавшись из плена, где они пробыли довольно долго, Дженнан с Хельвой тоже стали считать себя первоклассной командой.

— Из всех существующих во вселенной пороков больше всего я ненавижу наркоманию, — заметил Дженнан, когда они взяли курс на Центральную базу. — Люди и без помощи наркотиков могут быстренько отправиться напрямиком в ад.

— Ты затем и пошел в скауты? Чтобы остановить поток наркотиков?

— Могу поспорить, что официальный ответ содержится у тебя в памяти.

— Слишком уж он напыщенный: «Хочу продолжать традиции своей семьи, которая по праву гордится четырьмя поколениями на службе», если мне будет позволено процитировать твои собственные слова.

Дженнан бессильно застонал.

— Я был совсем мальчишкой, когда написал это! И уж конечно, еще не прошел заключительный этап подготовки. На заключительном этапе мне бы просто гордость такое не позволила. Я уже говорил тебе, что частенько навещал отца на борту Сильвии. Теперь-то я понимаю, что она положила на меня глаз — решила сделать преемником отца. Ведь я к тому времени уже получил лошадиные дозы пропаганды в пользу службы, и она не могла не подействовать. С тех пор как мне стукнуло семь, я твердо решил, что стану только пилотом-скаутом, и никем другим.

Он пожал плечами, будто укоряя себя за детские мечтания — кто тогда предполагал, чего будет стоить довести их до осуществления.

— Вот оно что? Отважный скаут Сахир Силан на Си-Ди-четыре-реста двадцать два врывается в туманность Конская Голова?

Дженнан предпочел пропустить ее колкость мимо ушей.

— С тобой я готов отправиться даже в такую даль. Но не смотря на все подначки Сильвии, я даже в самых смелых мечтах никогда не стремился к славе. Так что предоставляю тебе пожинать все лавры. А меня удовлетворит и небольшой вклад в историю космонавтики.

— Что так скромно?

— Просто я трезво смотрю на вещи. Мы живем, чтобы служить, и так далее...

Театральным жестом он прижал руку к сердцу.

— Тщеславный тип! — фыркнула Хельва.

— Кто бы говорил, подружка. Разве не ты бредишь туманностью Конская Голова? Я, по крайней мере, человек бескорыстный. Таких героев, как мой отец, считанные единицы, но и мне хотелось бы, чтобы меня запомнили. Да и кому не хотелось бы? Зачем иначе мы на каждом шагу рискуем жизнью?

— Позволь напомнить тебе некоторые неоспоримые факты. Твой отец умер, возвращаясь с Персиды. Так что он никак не мог узнать, что стал героем благодаря тому, что пошел на смертельный риск. И что это помогло колонии на Персиде выжить. Что, в свою очередь, дало возможность открыть антипаралитические свойства тамошней атмосферы. Но он-то об этом так никогда и не узнал!

— Зато я знаю, — тихо промолвил Дженнан.

Хельва сразу же пожалела о своей резкой отповеди. Ведь она прекрасно знала, как сильно Дженнан привязан к отцу. В его досье говорилось, что смириться с гибелью отца ему помог лишь неожиданно благоприятный исход событий на Персиде.

— Факты бесчеловечны, Хельва. Зато отец был человечен, и я такой же. Да и ты тоже — в душе. Загляни в себя, восемь-три-четыре. За всеми проводками, которыми тебя опутали, бьется сердце — пусть маленькое, но обычное человеческое сердце. Воистину так.

Маккефри Э.

М 15 Сага о кораблях : романы, повести / Энн Маккефри ; пер. с англ. И. Андронати, В. Ковалевского, Н. Штуцер и др. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 960 с. — (Фантастика и фэнтези. Большие книги).

ISBN 978-5-389-29834-7

Межзвездный корабль по имени Хельва — корабль, который поет. Но это не единственное его достоинство. Он может испытывать скорбь, убивать, если это необходимо, и, конечно, побеждать, если от него ждут победы. Пять историй — романов и повестей — об этом. Умные корабли, как их принято называть, не просто механизмы из металла и электроники. Это человеческий мозг, обученный и внедренный в систему корабля, города, межпланетной станции, заменяющий любой коллектив и разумно выполняющий то, что немисливо живыми руками. Но есть партнер, пилот, дублирующий действия корабля-основы. И отношения их складываются по-разному. В этом и состоит проблема — как выполнить поставленную тебе задачу и не перейти при этом линию обоюдных интересов...

Переводы публикуются в новой редакции, повесть «Медовый месяц» — впервые на русском.

В 2026 году мировое читательское сообщество отмечает столетие со дня рождения писательницы, и настоящее издание посвящено этому знаменательному событию.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

ЭНН МАККЕФРИ САГА О КОРАБЛЯХ

Ответственный редактор Александр Етоев
Редактор Ирина Андронати
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Ольга Золотова, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 20.07.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 58,8. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-FFB-38972-01-R